

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

ЕВГЕНИЙ
ВИНОКУРОВ

Библиотечка
избранной
лирики

ЕВГЕНИЙ ВИНОКУРОВ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“
1965

P2
B49

Редакционная коллегия:

**И. ГРУДЕВ, Ю. ДРУНИНА,
Е. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, ВАС. ФЕДОРОВ.**

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Поэтический голос Евгения Винокурова настолько естествен и близок к нашей жизни, что как будто бы вовсе неотделим от живой разговорной русской речи во всем богатстве ее интонаций. Кажется, что в стихах Винокурова говорят меж собой юноши, девушки, цветущие женщины и зрелые мужи, воины, оберегающие ценности современности, художники, рисующие сложный индустриальный пейзаж наших дней. И во все это, во весь хор голосов Винокуров вносит свою неповторимую интонацию. Винокурова по его стихам всегда можно узнать и без подписи.

Остается добавить о том, о чем Винокуров еще не рассказал читателю, — о себе лично, ибо еще далек от того возраста, когда пишутся воспоминания и мемуары.

Евгений Михайлович Винокуров родился в 1925 году в семье военного, в Брянске, но с самого раннего детства жил в Москве, вне Москвы себя не помнит и по праву считает себя москвичом. Еще школьником, не кончив десятилетки, он ушел на фронт, вое-

*вал на 4-м Украинском фронте, стал командиром
огневого взвода, дошел до Германии, а после войны
поступил в Литературный институт, осуществив свою
мечту, так как стихи писал с самого раннего детства.
Окончание Литературного института он ознаменовал
выпуском в свет своей первой книги «Стихи о долге».
Затем мы прочли его книгу «Синева». Последние его
книги: «Лицо человеческое», «Слово», «Музыка».
Сейчас Винокуров готовит новую большую книгу
стихов, в которой, как мы надеемся, в новом качест-
ве прозвучат его слово и музыка и еще резче обри-
суется его лицо человеческое.*

Леонид Мартынов

КРАСОТА

На небо взглянешь —
Звезд весенних тыщи!
Что юности в блескучей высоте?!
Но яростнее, чем потребность в пище,
Была у нас потребность в красоте.
Нам красота давалась понемножку...
По вечерам, когда шумел привал,
Сапожник ротный, мучая гармошку,
Ее для нас упорно добывал.
Она была минутной и не броской.
Мелькнет — и нет: под утро вдалеке,
На горке — стеариновой березкой,
В ночи — луной, раздробленной в реке.
А то бывало: осень, вязнут танки,
И чад, и гарь — и вдруг она возьмет
И чистым взором познанской крестьянки
Из-под руки, лукавая, сверкнет.

ГАМЛЕТ

Мы из столбов и толстых перекладин
За складом оборудовали зал.
Там Гамлета играл ефрейтор Дядин
И в муках руки кверху простирал.
А в жизни, помню, отзывался ротный
О нем как о сознательном бойце!
Он был степенный, краснощекий, плотный,
Со множеством веснушек на лице.
Бывало, выйдет, головой поникнет,
Как надо, руки скорбно сложит, но
Лишь только «Быть или не быть?» воскликнет,
Всем почему-то делалось смешно.
Я Гамлетов на сцене видел многих,
Из тьмы кулис входивших в светлый круг,
Печальных, громогласных, тонконогих...
Промолвит слово — все притихнет вдруг,
Сердца замрут и задрожат бинокли...
У тех и страсть, и сила, и игра!
Но с нашим вместе мерзли мы, и мокли,
И запросто сидели у костра.

СИНЕВА

Меня в Полесье занесло.
За реками и за лесами
Есть белорусское село —
Все с ясно-синими глазами.
С ведром босую у реки
Девчонку встретите на склоне.

Как голубые угольки,
Глаза ожгут из-под ладони.
В шинельке — видно, был солдат —
Мужчина возится в овине.
Окликни — он поднимет взгляд,
Исполненный глубокой сини.
Бредет старуха через льны
С грибной корзинкой и с клюкою.
И очи древние полны
Голубоватого покоя.
Пять у забора молодух
Судачат, ахают, вздыхают...
Глаза — захватывает дух! —
Так синевой и полыхают.
Девчата. Скромн их наряд.
Застенчивые чаровницы,
Зардевшись, синеву дарят,
Как драгоценность, сквозь ресницы.

ДОБРОТА

Я все занесу на скрижали,
Железную точность храня, —
И то, как меня обижали,
И то, как жалели меня.
Обида, обида людская!
Забудешь одну без труда,
Другую, полжизни таская,
Не сможешь забыть никогда.
И все ж, как она б ни держалась,
Концу ее все-таки быть,

Но, острая, светлая жалость,
Тебя мне вовек не забыть.
Я зубы сжимал, чтоб не плача
Пройти среди белого дня.
Царила моя неудача,
Несчастья терзали меня.
Сердечностью необычайной
Я был поражен на пиру,
За чаркой в райпитовской чайной,
В картофельном сытном пару.
Сидел я, печальный, у края,
И, голову вбок наклоня,
Подолом глаза утирая,
Жалели старухи меня.
О русские веси и грады!
Прошел я немало путей
И высшей не знаю отрады,
Чем доброе слово людей.
Вставало над избами солнце,
Я видел: везде разлита —
Где с верхом, а где и на донце —
В людские сердца доброта.

ПРИРОДА

Природа. И я не избег ее козней,
И я любил, идя вдоль межи,
Гробовые молчания осени поздней,
Весны безудержные кутежи.
Что может ее быть щедрей и краше?..
Я равно ценю, различья познав,

И виктории-регии белые чаши
И вас, незабудки, дети канав!
Природа. Я рвал ее путы и скрепы,
Я к солнцу руки тянул из норы...
Водопады и тигры ее свирепы,
Травы и овцы ее добры.
Я с детства пред нею благоговею...
Она была чахленьким деревцом,
За мусорной свалкой я встретился
с нею,

В колодце двора, к лицу лицом.
Позже я плыл на плотках по Каме...
На тысячи верст безлюдье храня,
Лесами и царствующими облаками
Она окружила в те дни меня.
Я помню юг. За пологим мысом
Дрожала пена — морей молоко.
В небе, разрубленная кипарисом,
Луна, поднявшаяся высоко...
Природа. Она стучит родниками.
Тронь дно — и заноеет кисть руки.
Под молчаливыми ледниками
Она погребает материки.
О ней не случайно сказано было:
Гони ее в двери — влезет в окно.
Весною асфальт не она ли пробила
Травинкой, высосавшей зерно?
...Все живущее на два пола
Она разделила. Не спорить же с ней!
И нету резче, быть может, раскола,
Идущего от изначала дней.
Непреступаемая граница!

Как двум полюсам, как двум врагам,
Сливаясь вечно, все же не слиться
Этим двум берегам.
И вот содрогается мир от пенья.
Выпавшая радость, страсть и тоску,
Разряженный в самые лучшие перья,
Токует тетерев на суку.
...Я летел на «ЛИ-2». С высоты полета
Видел сквозь облачный рваный дым:
Ничтожным пятном расплывалась природа —
Зеленое, смешанное с голубым.
Но как бы ни были мы высоко,
Мы вздрогнем, лишь только она позовет, —
В самих нас брожение жаркого сока,
В нас жажда жизни ее живет.
...Ждет меня — верю сильнее год от году —
Совсем не смерть, а конец иной:
Я, как в воду, войду в природу,
И она сомкнется надо мной.

ПЕЩЕРНЫЙ ЧЕЛОВЕК УЧИЛСЯ РИСОВАТЬ

Пещерный человек учился рисовать.
Не находя в изяществе резона,
Тяжелым камнем начал выбивать
Фигуру угловатого бизона.
Случайный шаг! Опасная стезя!..
Он кончил, и впервые с сотворенья
Из глаз звериных длинная слеза
Устало потекла — от умиленья.

И, страшной тайной творчества влеком,
Он чувствовал — назад уж нет возврата,
Когда он первобытным кулаком
· Стирал слезу светло и виновато.
Косматый, дикий, шкура за спиной,
Лицо разодрала ему гримаса!..
Он радости был полон неземной,
Что слаще меда и сытнее мяса.

МОЯ ЛЮБИМАЯ СТИРАЛА

Моя любимая стирала.
Ходили плечи у нее.
Худые руки простирала,
Сырое вешая белье.
Искала крохотный обмылок,
А он был у нее в руках.
Как жалок был ее затылок
В смешных и нежных завитках!
Моя любимая стирала.
Чтоб пеной лба на замарать,
Неловко, локтем, убирала
На лоб спустившуюся прядь.
То плечи опустив, родная
Смотрела в забыты в окно,
То пела тоненько, не зная,
Что я слезу за ней давно!
Заката древние красоты
Стояли в глубине окна.
От мыла, щелока и соды
В досаде шурилась она.
Прекрасней нет на целом свете —

Не она ли бросала
Любовников бледных со скал?
Не она ли спасала
Лодчонку, попавшую в шквал?

И совсем не водою,
А с давних времен до сих пор
Только ею одною
Смывается черный позор.

Жидкость бродит по трассам,
Подземною силой сильна.
То, что вытерпит разум,
Не стерпит, пылая, она.

Слышу я, замирая,
По долгим ночам, в тишине,
В край угрюмо из края
Она где-то бродит во мне.

Кто с ней, буйною, сладит?
Кутил, бунтовал и страдал
Отдаленный мой прадед,
Он мне свою кровь передал.

Упрекнуть его не в чем —
Сквозь жизнь он прошел прямиком.
Был бродягой, и певчим,
И в Сальских степях ямщиком.

Он вставал над упряжкой
И свистом округу пугал.

Он кричал и с оттяжкой
Вожжами коней обжигал.

Он плевал на ладони
И в темень хлестал наугад...
До сих пор еще кони
В крови моей где-то летят!

Кровь по жилам по тонким
Моя гуляет, а там
Отдаленным потомкам
Ее я в свой срок передам.

НЕБО

Что может быть на свете проще,
Чем небо? Синь его чиста
В просветах облетевшей рощи,
В пролетах старого моста.
Его безмерные высоты
Пригодны разве для орлов!
В него смотрели звездочеты,
И шапки падали с голов.
Мучительны его загадки —
Века решать их суждено,
Хотя под водостоком в кадке
Лежит до вечера оно —
То самое, что нет бездонней,
Что изучаемо людьми.
А ну-ка, ковшиком ладоней
Его попробуй-ка возьми!..

Потеря неба! В самом деле,
Она страшней других утрат!
Как жадно узник в цитадели
Ждет утром голубой квадрат!
Как чают неба в амбразуре!
Из дыма танк рванет, и вот
Полоска узкая лазури,
Как будто бритва, полоснет.
Я знаю: нет дороже вещи,
Чем небо! Синь его кротка,
Но молнии его зловещи,
Как трещины вдоль потолка.
И кажется, что скоро, скоро
Она вдруг рухнет, но пробел
Прорезался за кромкой бора,
И вот уж край заголубел.
Пускают в небо шарик дети.
В нем самолет теряет след.
...В отличие от всего на свете
Ему конца и вправду нет.

МУЗЫКА

Стихия музыки — могучая стихия,
Она чем непонятней, тем сильней.
Глаза мои, бездонные, сухие,
Слезами наполняются при ней.
Она и невидна и невесома,
И мы ее в крови своей несем...
Мелодии всемирная истома,
Как соль в воде, растворена во всем.

Покинув помещенья нежилые,
Вселившись в дом высокий, как вокзал,
Все духи музыки — и добрые и злые —
Безумствуют, переполняя зал.
Сурова нитка музыкальной пьесы —
Верблюд, идущий сквозь ушко иглы.
Все бесы музыки, все игровые бесы,
Играючи, хотят моей игры.
Есть в музыке бездумное начало,
Призыв к свободе от земных оков.
Она не зря лукаво оболыщала
Людей на протяжении веков.
Вакханки в исступлении зверели,
В поля бежали, руки заломив,
Лишь только на отверстия свирели
Орфей клал пальцы, заводя мотив.
Но и сейчас, когда оркестр играет
Свою невероятную игру,
Как нож с березы, он с людей сдирает
Рассудочности твердую кору.

* * *

И когда мои ноги уже затекали
Подо мной и щека моя тронула лед,
Высоко над собою по вертикали
Я увидел кружащийся самолет.
Он заметил меня и все ниже и ниже
Стал спускаться. И вот уж почти что без сил:
— Ну дави, — я тогда прошептал, —
ну дави же

На гашетку! — и крепко рукав закусил.
...То ли все же меня не заметил он, что ли,
Пренебрег, и рывком надавил на штурвал,
И, как бог Саваоф на небесном престоле,
Мне — ничтожнейшей точкечке — жизнь
даровал.

И поднялся, и вышел опять на орбиту...
Я заплакал: «Мальчишка! Убийца! Сопляк!»
И за то, что меня не убил, за обиду
Я поднял над собою замерзший кулак.

* * *

На вешалке в передней шубка кунья,
И в комнате, в нелегкой духоте,
Та женщина — тряпичница и лгунья —
Сидит, поджавши ноги, на тахте.
В окне рассвет идет на смену мраку.
Там голубю привольное житье...
Она сейчас должна поднять в атаку
Все обаянье юное свое.
На блузке брошь с тяжелою оправой,
И пальцы молодые холодны...
Зачем такой, никчемной и неправой,
Глаза такие гордые даны?
За окнами, покинув горстку проса,
Уходит голубь в купол голубой.
Из века в век поэзия и проза
Смертельный бой ведут между собой.

* * *

Боюсь гостиниц. Ужасом объят
При мысли, что когда-нибудь мне снова
Втянуть в себя придется тонкий яд
Ковров линялых номера пустого.

Боюсь гостиниц. Это неспроста.
Здесь холодом от окон веет лютю.
Здесь лампа. Здесь гардины. Здесь тахта.
Иллюзия семейного уюта.

Боюсь гостиниц. Может, потому,
Что чувствую, что в номере когда-то
Остаться мне случится одному.
Навеки. В самом деле. Без возврата.

* * *

Когда раздроблена нога,
То, локти ободрав, из бою
Он уползает от врага,
Влача обрубок за собою.
...Боль всюду и всегда с людьми.
Но все же ты иди по свету,
Лишь зубы поплотней сожми,
Когда уже терпенья нету!
Пред жизнью только трус дрожит —
Не надобно бояться боли.
Трагическая тень лежит
Под каждую травинкой в поле.

* * *

Вскинь классический лук и сквозь щель амбразуры
Жертву-высмотри и порazi!..
Вы порхали легко, фронтовые амуры, —
Ваши крылья в крови и грязи.
Ваши стрелы — они беспощадны и метки.
В блиндаже, что б поделать смогла
Санитарочка — только что из десятилетки, —
Если в сердце попала стрела?
Вы свободно летали, босые ребята,
Не боясь под бомбежку попасть,
Чтобы в рыжих глазах диковатых комбата
Загорелась тяжелая страсть.
Чтоб текло бы под пальцами девичье тело
Да лохматой овчины пола...
Только перышко, колыхаясь, летело,
Мягко выпавшее из крыла.

НЕЗАБУДКИ

В шинельке драной, без обуви
Я помню в поле мертвеца.
Толпа кровавых забудок
Стояла около лица.

Мертвец лежал недвижно, глядя,
Как медлил коршун вдалеке.
И было выколото «Надя»
На обескровленной руке...

Я ПОСЕТИЛ ТОТ ГОРОД

Я посетил тот город, где когда-то
Я женщину всем сердцем полюбил.
Она была безмерно виновата
Передо мной. Ее я не забыл.
Вот дом ее. Мне говорят подробно,
Как осенью минувшей умерла...
Она была и ласкова и злобна,
Она была и лжива и мила.
...Я не решаю сложную задачу,
Глубинные загадки бытия.
Я ничего не знаю. Просто плачу.
Где все понять мне? Просто плачу я.

* * *

Поют слепые. Жаждет петь и петь
Тот, кто ослеп. Хрипотца с непривычки,
Тоскует сердце, не могу терпеть,
Когда заслышу голос в электричке!
Гомер, вслед за тобой те, что слепы,
Бредут как бы без лампы по забою.
...И бандурист поет среди толпы
В слезах, наедине с самим собою.
Все шарят палкой — только б не упасть.
Поют, поют, поют. Закрыты веки.
Как видно, к песне беспредельна страсть
У тех, кто солнце потерял навеки.

Мне плохо: я ни разу не страдал,
К страданию я привычки не имею.
Не плакал. Не кричал. И не рыдал.
А вдруг беда? Ну как я встречу с нею?
Как выдержу ее? Как справлюсь с ней?
Спокойно все пока. Пока все мило.
Но сердце ощущает все сильнее
Трагическую подоснову мира.
И я чего-то напряженно жду.
Задумываюсь. Голову склоняю.
Во мне смятение: как встречу я беду!
Беду как встречу я? Не знаю.

СВЕТ

Я дневника не вел. Я фактов не копил.
Я частность презирал. Подробности ненавидал.
Огромный свет глаза мои слепил.
Я ничего вокруг себя не видел.
Но годы шли. И в дружеском кругу
Хочу я рассказать о дальней дали.
Но ничего я вспомнить не могу,
Ни черточки случайной, ни детали.
Хоть малость бы какую! Нет как нет!
Передо мною лишь одно, не боле,
Один лишь белый тот, слепящий свет,
Глаза, как бритва, режущий до боли.

КОГДА УХОДИТ ЖЕНЩИНА

Когда уходит женщина, скажи:
«Не уходи!» — и задержать попробуй.
На плечи руки смело положи.
Она их сбросит тотчас же со злобой.
Когда уходит женщина: «Молю!
Куда? — скажи. — Куда ты?» Без ответа
Посмотрит лишь. Сквозь зубы:

«Не люблю!» —
Произнесет. Что возразишь на это?
Когда уходит женщина, вперед
Зайди! Она и не поднимет взгляда!
...Когда ж уйдет, то, свесившись в пролет,
Кричать: «Прошу, вернись!» — уже не надо...

* * *

Мне не сойти с привычной колеи...
Чтоб дать мне пить, встает в одной рубахе
Та женщина, что знает все мои
Безумия, сомнения и страхи.
К стакану губы я во тьме тяну
И сплю. Но, одеяла край бросая
На пол, я вновь зову ее. Одну.
И вновь ко мне она идет босая.
Кричу. Но засыпаю и во сне
Поймать опять хочу обрывок нити.
Она одна все знает обо мне —
Коль надо будет что, ее спросите.

МИР РАЗЛОЖИЛ НА ЧАСТИ ПИКАССО

Мир разложил на части Пикассо.
Он плоть содрал с вещей. Так бьют посуду!
На дыбу мир! Скорей! На колесо!
Повсюду щепки. Черепки повсюду!

Устал. Пошел пройтись на полчаса.
— Эх, что б еще! — Веселой полон злобой.
Глядит: кафе. Зашел. Глядит: слеза.
Слеза стекает... Разложи! Попробуй!

ЖЕНЩИНЫ

Я грущу. Я измучен жаждой.
Я извелся, грустя, любя.
В каждой девочке, в женщине каждой,
В каждой что-то есть от тебя.

Я их, грустных, не в силах видеть,
Их смятенья, их скорбных поз.
Их же так ведь легко обидеть,
Так легко огорчить до слез!
Сокровенным с тобой, глубинным
Чем-то связаны все они,
Чем-то жалостным, голубиным,
Чем-то тайным тебе сродни.

Вот вчера одна торопилась,
Плача, пуговицу теребя...
Сердце кровью мое облилось,
Как подумал я про тебя!

АДАМ

Ленивым взглядом обозрев округу,
Он в самый первый день траву примял,
И лег в тени смоковницы, и, руку
Заведши за голову, задремал.
Он сладко спал. Он спал невозмутимо
Под тишиной эдемской синевы.
...Во сне он видел печи Освенцима
И трупами наполненные рвы.
Своих детей он видел!.. В неге рая
Была улыбка на лице светла.
Дремал он, ничего не понимая,
Не знающий еще добра и зла.

СОЛОВЕЙ

Среди листвы работал соловей...
Бей в наковальню! Глыбами ворочай!
Пуды под звезды подымай живей,
Как потный грузчик и чернорабочий!
Бей в наковальню! Бей! Гранит дробь,
Ночной певец, не знающий износа!
Пой в темноте! Свой страшный труд люби —
Молотобойца и каменотеса!
Ломай дубы! Вей кольца из ветвей!
Копай суглинок, за плечо кидая!..
Среди листвы работал соловей.
Всю ночь работал. Рук не покладая.

* * *

Кто только мне советов не давал!
Мне много в жизни выдалось учебы.
А я все только головой кивал:
— Да, да, конечно! Ясно. Ну, еще бы!.. —
Поднявши перст, кто только не держал
Меня за лацкан! — Да, ага, понятно!
Спасибо! Ладно! — Я не возражал:
Ну что мне стоит? А ведь им приятно...
— Да, да, согласен! Ой ли! Ей-же-ей!
Ну да, пожалуй! Вы правы, не скрою... —
Чем больше слушал я учителей,
Тем больше я хотел быть сам собою.

ОНА

Присядет есть, кусочек половиня,
Прикрикнет: «Ешь!» Я сдался! Произвол!
Она гремит кастрюлями, богиня.
Читает книжку. Подметает пол.
Бредет босая, в мой пиджак одета.
Она поет на кухне поутру.
Любовь? Да нет! Откуда?! Вряд ли это!
А просто так:
Уйдет. И я умру.

ВОЙНА

Был мир пред нами обнажен,
Как жуткий быт семьи в бараке

Иль как холодный, из ножен,
Нож, оголяемый для драки.
Еда и женщина!.. Сняты
Покровы с жизни. В резком свете
Мир прост! Ужасней простоты
Нет ничего на этом свете.
Мы шли. Дорога далека!
Держались мы тогда непрочной,
Мгновенной сложности цветка
И синей звездочки полночной.

ПЕРВАЯ ФРАЗА

Если первая фраза тебя потрясла
В странной книге, открытой напропалую,
Не спеши. Поднимись. Отойди от стола.
Не читай опрометчиво фразу вторую.
Не читай. И поднимется образов рой.
Вздрагнет сердце, а ведь не дрожало ни разу!..
Неизвестно еще, что во фразе второй!
Пронеси же сквозь жизнь эту первую фразу.

* * *

Смеялась женщина... И смех ее звучал
В каморке, в блиндаже, в купе вагона.
Его сквозь сон я смутно различал
За стенкою средь гомона и звона.

О золото! Его мне мир дарил
Бесплатно. На поляне. На пароме.
Смотри: на стадионе у перил
Вон женщина хохочет и в истоме
Уж падает почти! Смеется! Силы нет!
До слез, в изнеможенье, на пределе.
Руками только машет. И в ответ
Нельзя не улыбнуться в самом деле.
В метро. На танцах. На плотях. В кино.
Мелькали страны, лица. Все сменялось...
А я хотел бы только лишь одно —
Чтоб шли года, чтоб женщина смеялась.

КНИГИ Е. М. ВИНОКУРОВА

(Библиографическая справка)

- «Стихи о долге». «Советский писатель», 1951.
- «Синева». М., «Советский писатель», 1956.
- «Военная лирика». М., Воениздат, 1956.
- «Признанья». М., «Советский писатель», 1958.
- «Лицо человеческое». М., «Советский писатель», 1960.
- «Слово». М., «Советский писатель», 1962.
- «Лирика». М., Гослит, 1962.
- «Музыка». М., «Советский писатель», 1964.
- «Стихотворения». М., «Художеств. лит.», 1964.

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя	3
Красота	5
Гамлет	6
Синева	6
Доброта	7
Природа	8
Пещерный человек учился рисовать	10
Моя любимая стирала	11
Кровь	12
Небо	14
Музыка	15
«И когда мои ноги уже затекали...»	16
«На вешалке в передней шубка кунья...»	17
«Боюсь гостиниц. Ужасом объят...»	18
«Когда раздроблена нога...»	18
«Вскинь классический лук...»	19
Незабудки	19

Я посетил тот город	20
«Поют слепые...»	20
«Мне плохо: я ни разу не страдал...»	21
Свет	21
Когда уходит женщина	22
«Мне не сойти с привычной колеи...»	22
Мир разложил на части Пикассо	23
Женщины	23
Адам	24
Соловей	24
«Кто только мне советов не давал!..»	25
Она	25
Война	25
Первая фраза	26
«Смеялась женщина...»	26

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Присылайте ваши отзывы о содержании, художественном оформлении и полиграфическом исполнении книги.

Пишите по адресу: Москва, А-30, Сущевская ул., 21, издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».

Винокуров Евгений Михайлович
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1965.
32 с. («Б-чка избранной лирики»)

P2

Редактор *И. Грудев*
Художник *А. Власова*
Худож. редактор *Н. Коробейников*
Техн. редактор *Л. Никитина*

A02560. Подп. к печ. 12/III 1965 г. Бум. 70×108¹/₃₂.
Печ. л. 1(1,4). Уч.-изд. л. 1. Тираж 180 000 экз.
Зак. 2515. Цена 5 коп. СПХЛ, 1965 г., № 502.

Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия». Москва, А-30, Сущевская, 21.

5 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ